

пережить после того, как партнер и муж Виктор Молодцов уронил ее на лед, увидев на трибуне свою бывшую любовницу. Именно с ней, Анной Берковской, теперь катается Виктор. Главная героиня, ни о чем не подозревая, тренирует эту пару, с каждым днем все сильнее угрожающую распадом ее семье. Еще один важный принцип кинематографических мелодраматических произведений, ярким примером которого является серия книг «Жаркий лед», — недосказанность и, как следствие, — серийность.

Совершенно очевидно, что мелодрама заняла значительное место в иерархии жанров современной прозы. Массовая литература призвана отвлечь человека от монотонности повседневности. Мелодрама же со своим неизменным сюжетом «истории про Золушку» как нельзя полно отвечает данной задаче.

-
1. Зорская М. Фольклор. Лубок. Экран. М., 1994.
  2. Кавелти Д. Изучение литературных формул // Новое лит. обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
  3. Лавряшина Ю. Жаркий лед : кинороман. М., 2008.
  4. Мартянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб., 2001.
  5. Черняк М. А. Массовая литература XX века. М., 2007.

Т. А. Алферьева
г. Екатеринбург

Любовь-филия в интимной лирике Н. М. Карамзина

Взаимоотношение мужчины и женщины всегда находило свое отражение в любовной поэзии всех времен и народов. В последней трети XVIII в., в эпоху сентиментализма, наиболее востребованным оказался тип любви-филии. Древнегреческое слово *филия* переводится как «дружба», «дружественное расположение», т. е. любовь ко всем окружающим людям. В эпоху сентиментализма наступает господство

возвышенных чувств, т. е. мужчина духовно возвышает женщину. Эта эпоха породила дружбу между мужчиной и женщиной, например, поэт М. Н. Муравьев в жизни и творчестве развивал культ дружбы между братом и сестрой, которую поэт воспел под поэтическим именем Феона.

На материале взаимоотношений Н. М. Карамзина с Н. И. Плещеевой Ю. М. Лотман доказывает факт существования дружбы, без примеси эротизма, между мужчиной и женщиной. Более того, понятие «любовь» Ю. М. Лотман маркирует как составляющую сущность понятия «дружба». Автор отмечает, что Н. М. Карамзин попытался свою «программу поведения» превратить в поэзию, которая, в свою очередь, будет служить «образцом “чувствительной” любви» [3, с. 336]. Н. М. Карамзин полагал, что женщина — самое «чувствительное» существо, которое способно облагораживать общество, но для этого женщину необходимо воспитывать, и таким воспитательным средством была его поэзия.

Цель статьи — проанализировать различные аспекты любви-филии в интимной лирике Н. М. Карамзина, что позволит выявить специфику поэтического моделирования Карамзиным женского идеала в любовной лирике.

Любовная лирика Н. М. Карамзина написана преимущественно элегическим слогом. Следует отметить, что поэт не считал важным жанровое определение своих стихотворений, поэтому интимная лирика зачастую представлена в форме стихотворений любовной тематики, а исключения имеют жанровое закрепление (например, песня или баллада). Читая такие стихотворения, отмечаешь, что в них почти всегда присутствует женское имя и зачастую они адресованы той или иной особе. Как тонко подметил Лотман, «женская дружба сыграла огромную роль в жизни Карамзина: он остался сиротой в младенчестве, и потребность материнства проявилась в его юношеском влечении к “женской дружбе”» [Там же, с. 271].

В 1794 г. Н. М. Карамзин пишет послание своему близкому другу — поэту И. И. Дмитриеву, в котором провозглашает новую цель жизни — служение любимой женщине. Н. М. Карамзин соглашается с другом, что:

...жизни алая весна
Есть миг — увы! .....
И я мечтами обольщался —
Любил с горячностью людей,
Как нежных братьев и друзей [1, с. 136].

Эти строки отражают главную идею в творчестве Н. М. Карамзина — любовь ко всему человечеству, это еще и масонский идеал — идея

всемирного братства, но для того чтобы сохранить в себе это чувство, поэт призывает И. И. Дмитриева:

Найдем подругу для себя,
Подругу с милою душою,
Она приятностью своею
Украсит запад наших дней [1, с. 139].

Н. М. Карамзин утверждает, что женщина может быть не только спутницей жизни, но и спасительницей заблудших душ. Но подобно М. М. Хераскову, Карамзин заявляет, что для этого женщину нужно просвещать, воспитывать:

Беседа опытных людей,
Их басни, повести и были
.....
Ее внимание займут,
Ее любовь приобретут [Там же, с. 139].

Мы считаем, что все творчество Н. М. Карамзина являлось своего рода «азбукой» добродетели для культурной части общества. А такие слова, как:

Любовь и дружба — вот чем можно
Себя под солнцем утешать! —

есть, по сути, жизненное кредо Н. М. Карамзина, которое он завещает и всему человечеству.

Деятнадцатилетний Николай Карамзин знакомится с Настасьей Ивановной Плещеевой, с которой его будет связывать крепкая дружба. Н. И. Плещеева «...была образована лучше, чем обычные провинциальные помещицы, а, пожалуй, — и московские дамы: хорошо говорила и писала по-французски, сочиняла на французском языке рассказы и пьесы, руководила домашним театром, а позже даже издала книгу (перевод книги французской писательницы Ла-Пренс-де Бомон “Училище бедных, работников, слуг, ремесленников и всех нижнего класса людей”). Но не это культивировала она в себе, а чувствительное сердце» [3, с. 270]. Этой «любезной» женщине Н. М. Карамзин в 1793 г. написал поздравление в день ее рождения.

В <Посвящении к «Аглае»>, которое написано прозой, поэт прославляет «святую дружбу» этой женщины с ним, называя ее: «...благодетельный гений, гений — хранитель!» [1, с. 135]. Здесь Карамзин проповедует,

что любовь спасает человека «...в печальном мире... где часто гибнет добродетель», но «...сладкое утешение!.. любить и чувствовать, что мы любим!» [1, с. 135]. Эта «святая дружба» между Плещеевой и Карамзиным основывалась на чистом чувстве любви двух друзей.

В «Послании к женщинам» (1795) Н. М. Карамзин опять отдает дань любви своему лучшему другу:

Нанина! десять лет тот день благословляю,
Когда тебя, мой друг, увидел в первый раз;
Гармония сердец соединила нас
В единый миг навек. Что был я? сиротою...
.....
Ты дружбой, искренностью милой
Утешила мой дух унылый;
Святой любовью своей
Во мне цвет жизни обновила
И в горестной душе моей
Источник радостей открыла [Там же, с. 178–179].

Поэт не скрывал от общества своих нежных чувств к Н. И. Плещеевой, посвятив ей сборник своих стихотворений и назвав его поэтическим именем любимого друга — «Аглая» (1795). Н. М. Карамзина можно смело назвать законодателем новых нравов в обществе конца XVIII в., провозглашавшим открытое духовное поклонение женщине.

Первой женой Карамзина в 1801 г. стала Елизавета Ивановна Протасова, младшая сестра Плещеевой («Подруга милая моей судьбы смиренной, // Которою меня бог щедро наградил!» [Там же, с. 289]), поэт знал ее еще ребенком:

О ты, которая была
В глазах моих всегда прелестна,
Душе моей всегда мила
И сердцу с юности известна! [Там же, с. 291].

У Карамзина есть две песни (1794 (?)), в которых фигурирует имя Лиза, возможно, они посвящены юной избраннице (содержание этих песен подтверждает это предположение). В первой песне поэт рассказывает о любви и нежных чувствах к своей возлюбленной Лизе:

Мы желали — и свершилось!..
Лиза! Небо любит нас.
.....

Ты одна любви достойна;
Я нашел чего искал,
И душа моя спокойна,
Все сбылось, чего желал! [1, с. 146–147]

Карамзин благодарит провидение за то, что оно соединило его с Лизой — «Ты моя — Блаженный час!» [Там же, с. 146]. Поэт ликует, что именно с ней он сможет:

Быть счастливейшим супругом,
Быть любимым и любить,
Быть любовником и другом...
Ах! я рад на свете жить! [Там же, с. 146]

То есть любимая супруга может быть не только любовницей, но и преданным другом для мужа. И заканчивается эта песня на счастливой ноте:

Мы с любовью одною
Век без скуки проживем [Там же, с. 147].

Во второй песне Н. М. Карамзин воспеваает счастливый брачный союз:

Доволен я судьбою
И милою богат.
.....
С тобою жизни время
Меня не тяготит [Там же].

Но уже в предпоследней строфе поэт предсказывает близкий конец их счастливой семейной жизни:

Но если рок ужасный
Нас, Лиза, разлучит? [Там же, с. 148].

И действительно, Лиза через год после свадьбы умирает, родив ему дочь Софью.

Образ Лизы представлен в этих песнях как ангельский, именно «невинность» порождает любовь и дружбу, тогда как поэт «Всех Прелест возненавидел» [Там же, с. 147]. Его «Прелесты» олицетворяют собой «хитрый» тип женщины — разрушительницы семейного очага («щеголихи»), который был широко распространен в светском обществе второй

половины XVIII столетия. Тип «модной жены» одним из первых открыл близкий друг Карамзина И. Дмитриев в сказке-сатире «Модная жена» (1791). Первая песня написана в легком несколько приподнятом стиле, но простым языком, который отразил все любовные переживания поэта. Вторая песня содержит интимные рассуждения поэта о семейной жизни, которые овеяны сентиментальным настроением. Ввод выразительного средства: «...рок ужасный... разлучит?», на наш взгляд, тяготеет к сумароковской традиции написания любовных элегий.

Стихотворение «К ней» (1794), по-видимому, тоже адресованное его юной невесте, отличается философским рассуждением на тему «любви-верности». Поэт утверждает, что быть влюбленным возможно лишь раз и это — естественно, так как «Однажды роза в год алеет», поэтому и «Однажды люби всей душою...» [1, с. 146]. Здесь Н. М. Карамзин отождествляет жизненный путь человека с циклом природы.

Интересно по форме и содержанию стихотворение «Лилея» (1795), в котором запечатлено интимное переживание влюбленного героя. Поэт описывает свои чувства к прекрасному цветку, который ассоциируется с молодой девушкой:

Я вижу там Лилею.
Ах! как она бела,
Прекрасна и мила!
Душа моя пленилась ею [Там же, с. 184].

Опечаленный герой тоскует из-за того, что «...рок / (Жестокий, безрассудный!) / Сказал: «Она не для тебя!...»» [Там же, с. 184]. И наш герой смиряется перед судьбой — «роком», который «разлучает» его с «Лилеей». В конце стихотворения есть приписка:

О Лиза! я с тобою
Душою делиться сотворен,
Но бездной разлучен! [Там же, с. 184]

Можно сделать вывод, что эта девушка — «Лилея» принадлежит к более молодому поколению, нежели поэт. Поэтому возникает предположение, что это стихотворение тоже посвящено молодой невесте Карамзина.

В интимной лирике Н. М. Карамзин культивировал духовное поклонение любимой женщине, в связи с этим он выработал особый «ангельский» тип женщины, который олицетворяется в друге Н. И. Плещеевой и в первой жене поэта. Но также в его творчестве впервые появляется

отрицательный тип женщины — «демонический». Эти два противоположных типа женщин унаследует эпоха романтизма в начале XIX в., и более того, как утверждает Ю. М. Лотман, «...романтическое соединение “ангельского” и “демонического” входит в норму женского поведения» [2, с. 53].

«Демонический» тип женщины наиболее ярко обрисован в стихотворении «К неверной», где поэт изображает любовь к «милой», но «жестокий рок» решает его судьбу:

Но ты, жестокая, холодною рукою
Завесу с истины сняла!.. [1, с. 208]

Получив отставку, влюбленный желает смерти для себя — «...исчезну обожаю»:

Блаженствуй! Самый гроб меня не утешает;
.....
Я буду там один! Душа не умирает [Там же, с. 208].

Возлюбленная особа здесь представлена в роли искусительницы, но она наделена «ангельской» красотой — «...на розе уст небесных...», т. е. телесно она ангел, а душой — демон. Но «жестокою» поэт не отталкивает от своего сердца, так как считает, что женщину можно научить чувствовать [2, с. 53]. На наш взгляд, это стихотворение является образцом некоего синтеза «ангельского» и «демонического», который будет практиковаться в лирике романтизма; также здесь наблюдается влияние философии масонства — желание смерти для себя.

Естественно, Н. М. Карамзину близок по духу «ангельский» тип женщины. Он отчетливо проявляется в стихотворении «К верной». Герой горько раскаивается в своем нелепом подозрении любимой в измене, «милая» оказалась ему «верна», и он просит прощения у своего «ангела души»:

Скажу тебе: «В сем домике живи
С любовью, счастьем и со мною...» [1, с. 211]

То есть поэт хочет поселить себя и свою «милую» в «домик» духовной жизни. Женщина в этом стихотворении представлена как нежный «ангел», обладающий бледностью лица. Ю. Лотман отмечает, что «женщина эпохи романтизма должна быть бледной, мечтательной, ей идет грусть» [Там же, с. 27]. Эти два контрастных по содержанию

стихотворения представляют собой образец «смелой прозаизации» [3, с. 271] поэтического текста.

Второй женой Н. М. Карамзина стала Екатерина Андреевна Колыванова, которую поэт трепетно любил до конца своих дней. По мысли Ю. Лотмана, отношения между Екатериной Андреевной и Карамзиным «строились как высокая дружба» [Там же, с. 271]. Екатерина Андреевна являет собой тип модной образованной салонной жены-хозяйки. Ее литературный салон в Петербурге пользовался большой популярностью.

Безусловно, Н. М. Карамзин утвердил свою индивидуальность и, как истинный художник, смог запечатлеть в своей поэзии прекрасные и нежные чувства к любимым женщинам. Красота, по мнению поэта, является критерием нравственности, поэтому красивая женщина должна быть нравственна по природе. Исследовав жизнь и творчество Н. Карамзина, Ю. Лотман заключает, что «женщина — самая чувствительная и слабая часть человечества. Следовательно, именно в ней человеческое сконцентрировано в наибольшей мере. Именно она, своим чутьем, становится нравственным компасом общества и его художественным законодателем. Ее надо воспитывать, развив ум и чувства, но сохранив непосредственность того и другого» [Там же, с. 270]. Таким «нравственным компасом общества» была вторая жена поэта Екатерина Андреевна. Н. М. Карамзин полагал, что нравственные женщины способны также воспитывать чувства мужчин, в жизни поэта был такой воспитатель — Н. И. Плещеева, к которой Карамзин питал платоническое чувство любви в благодарность за доброту и духовную поддержку в юности. Ю. Лотман отмечает, что «сентиментальная дружба вытекала из убеждения в том, что самое высокое в человеке — это человек. И в женщине надо видеть человека. А это возможно лишь потеснив любовь и отдав высшее место чувству, которое уравнивало бы женщину и мужчину, делая признак пола необязательной, хотя именно поэтому острой, приправой. Таким чувством была дружба» [2, с. 59].

Таким образом, модель женского идеала поэта Н. М. Карамзина детерминирована критериями нравственности и «чувствительности». Благодаря Карамзину нравственный тип женщины проявится во всех положительных героинях последующих поэтических эпох.

---

1. *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений / вступ. ст. Ю. М. Лотмана. М. ; Л., 1966.

2. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX). СПб., 2002.

3. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.

А. И. Атрошенко

г. Новосибирск

Об особенностях иллюстрирования «Казанской истории» XVII в. (один из лицевых списков)*

«Казанская история» попала в поле зрения исследователей в XIX столетии. Начало ее текстологическому изучению положил Г. З. Кунцевич, который выявил большое количество списков произведения и издал тексты [2, 5]. «Казанская история» рассматривалась историками, литературоведами и лингвистами [1, 4, 9]. При этом без внимания остались лицевые списки Казанской истории. Между тем их изучение представляется нам особенно актуальным — оно дает возможность проанализировать изобразительную трактовку литературного произведения.

В настоящей статье рассматривается лицевой список «Казанской истории», созданный в XVII в., который хранится в Российской государственной библиотеке (РГБ). Он содержит 79 глав и относится к поздней редакции сочинения, созданной после 1592 г. [6]. По мнению исследователей, очерковые миниатюры рукописи выполнялись двумя мастерами, манеры которых сильно отличаются [10, с. 182]. Из 79 глав проиллюстрированы 46, под другие миниатюры оставлены листы с очерченной рамкой и текстом в картуше.

Рукопись РГБ дает нам возможность проследить этапы создания книги, ведь ее оформление осталось неоконченным. Мы можем предположить, что начинал работу с рукописью именно писец, который

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российской академии наук, проект «Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию», код 28.7 Р (Тихомировское собрание рукописей ГПНТБ СО РАН).